

**СОЛОВЕЦКИЕ ЛАГЕРЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ И ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (1923–1933 ГОДЫ)**

© 2010 М.В. Шульгина

Архангельский государственный технический университет

Поступила в редакцию 18.12.2009

В статье освещается участие Соловецких лагерей особого назначения в разработке лесных ресурсов Европейского Севера России в 1923–1933 годы. Выявлены характер и специфические особенности этого процесса в регионе в условиях догоняющей модернизации.

Ключевые слова: модернизация, Соловецкие лагеря особого назначения, Европейский Север России, лесная промышленность, принудительный труд.

Становлению и развитию лесного комплекса на Европейском Севере России посвящено немало научных публикаций¹. Между тем о труде заключенных в этой отрасли отечественные историки стали упоминать лишь на современном этапе: в советское время исследование этой темы считалось преступлением против основ существующего строя. В зарубежной историографии 1930–1980-х годов интерес к проблеме использования принудительного труда в лесной промышленности СССР диктовался политическими мотивами². Основными источниками информации на Западе были советская периодическая печать и воспоминания, поэтому многие работы отличаются наличием субъективных оценок и фактических неточностей. Адекватному исследованию проблемы способствовал процесс введения в научный оборот в 1990-е годы недоступных ранее документов центральных и региональных архивов. В связи с этим в постсоветской историографии появились обобщающие труды по истории ГУЛАГа и региональные исследования, раскрывающие роль спецконтингента в лесной промышленности Севера³. Существенный вклад в изучение проблемы внесли историки Архангельска, Республик Карелия и Коми⁴. К числу значимых изданий для исследования темы относится сборник документов и материалов “Советская лесная экономика. Москва–Север. 1917–1941 гг.”, в котором публикуется подборка документов центрального и регионального уровня, находившихся ранее на секретном хранении⁵. После “перестройки” возможность работы с архивными фондами получили и иностранные авторы. В результате за рубежом появились обзорные работы по истории ГУЛАГа, упоминающие в числе широкого круга проблем и развитие лесной отрасли⁶. Вопрос использования труда заключенных Соловецких лагерей особого назначения (СЛОН) в лесной экономике Евро-

пейского Севера исследован недостаточно. Проблема особенно актуальна в связи с антропологическим дискурсом, а также в контексте разработки современной стратегии развития РФ и Европейского Севера.

Территориальные рамки исследования соответствуют пространству Европейского Севера России, включая Архангельскую и Мурманскую области, Республики Карелия и Коми⁷. В силу сходных экономико-географических условий эти регионы играли важную роль в обеспечении потребностей СССР в древесине: леса занимают почти 43,2% территории района. На Севере исторически складывался хозяйственный механизм, связанный с развитием важнейшей отрасли – лесной промышленности. Густая речная сеть (Северная Двина с Вычегдой и Сухоной, Печора, Мезень и Онега), система больших и малых озер Карелии, соединенных между собой реками, благоприятствуют развитию лесозаготовок, удобной водной транспортировке древесины к пунктам переработки, а также на экспорт. По морям бассейна Северного Ледовитого океана, омывающим территорию района, проходят морские транспортные пути внутреннего и международного значения.

После окончания Гражданской войны, в условиях нэпа, для скорейшего восстановления экономики требовалось не только обеспечить внутренние потребности страны в лесоматериалах, но и создать валютный фонд за счет экспорта леса. Для решения этих задач на Севере были созданы первые в стране лесные тресты “Северолес” (1921 г.), “Кареллес” (1922 г.), “Печорлес”, “Комисеверолес” (1925 г.). Большая часть советской древесины шла на внешний рынок.

В годы первых пятилеток ценной напряженных усилий объемы заготовки древесины были значительно увеличены. Развитие лесной экономики Европейского Севера было подчинено задачам форсированной догоняющей модернизации. В СССР осуществлялась государственно-моби-

*Шульгина Мария Владимировна, преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин.
E-mail: maria.sh@bk.ru*

зационная модель развития. Она согласовывалась с общим курсом Сталина и его окружения, направленным на укрепление административно-командных методов руководства и усиление “чрезвычайщины” в управлении государством. Для реализации программы ускоренного экономического развития были необходимы природно-сырьевые ресурсы северных территорий СССР. Государство не обладало материальными и финансовыми предпосылками для их разработки, в малонаселенных областях Севера возникла проблема дефицита рабочей силы. Выход из этого положения был найден в расширении системы исправительно-трудовых лагерей на территориях, подлежащих индустриальному освоению.

Именно на Европейском Севере происходила отработка модели будущей системы ГУЛАГа, формировался механизм использования принудительного труда заключенных. В 1921 г. проблема нехватки рабочей силы в лесной промышленности Архангельской губернии признавалась настолько тяжелой, что возникали опасения срыва программы лесозаготовок⁸. В 1922 г. Ф.Э. Держинскому подан проект организации Северных колоний ВЧК, объясняющий выгоды создания лагерей в районах необъятного лесного массива, которые “могут быть построены и оборудованы трудом самих заключенных без особо больших затрат со стороны государства”. Уполномоченный по организации и устройству лагерей ВЧК предлагает при помощи заключенных разрешить проблему, связанную с острой нехваткой рабочей силы для разработки, заготовки, обработки и сплава лесных материалов⁹.

Первый опыт реализации этого замысла принадлежит Соловецким лагерям принудительных работ особого назначения ОГПУ (СЛОН), образованным Постановлением СНК СССР от 2 ноября 1923 г.¹⁰ Начало использованию принудительного труда заключенных в лесозаготовительной отрасли было положено на Соловецком архипелаге. Здесь действовало около 30 различных предприятий СЛОН (производство кирпича, рыбная промышленность и др.). Значительная их часть была унаследована лагерем от Соловецкого монастыря, но были и вновь созданные. Лесозаготовительные работы играли ключевую роль в экономике УСЛОН и вместе с тем унесли наибольшее количество жизней заключенных.

Доминирующую роль в хозяйственной жизни УСЛОН играл Кемский пересыльно-распределительный пункт (Кемперпункт). Образованный приказом ОГПУ № 527 от 15 декабря 1923 г.¹¹ как опорный пункт для переправки этапов на Соловецкий архипелаг, к 1926 г. Кемперпункт приобрел значение ключевого филиала, где заключенные распределялись по командировкам лагеря (на заготовку, сплав леса и другие работы), направлялись УСЛОН для работы на предприяти-

ях по контракту. В ожидании разрядки узники здесь вытаскивали из воды или подкатывали к железнодорожным платформам бревна, выполняли работы по их погрузке. В Кемперпункте помимо мастерских и складов располагались лесопильный завод, лесные склады¹².

Первоначально в лесах Соловецкого архипелага была установлена выборочная рубка леса: по расчетам, вырубаемый запас должен был компенсироваться в течение 45–50 лет. В конце 1923 г. было организовано лесничество, которое в 1924–1927 гг. занимается лесоустройством¹³. Тем не менее принципы разумного лесоводства были забыты вскоре после организации лагеря: на отдельных участках проводились сплошные рубки. На первый план вышло потребительское отношение к природным объектам архипелага.

В 1923 г. на островах 227 заключенных занято на лесоразработках и 60 – на лесосплаве¹⁴. Как правило, на эти работы отправляли заключенных первого и второго отделений. Управление лесозаготовок находилось в пункте Исаково (или Большое Лесное) на острове Большом Соловецком. Рубка леса производилась в основном в зимний период, а заготовка дров – в течение всего года. Часть заготовленного сырья перерабатывалась на лесопильной раме; возник завод сухой перегонки древесины.

Усиленная рубка леса на экспорт началась с зимы 1926/1927 гг. На лесозаготовках работало 500–600 человек ежедневно, не считая людей, занятых на вытаскивании бревен, сплаве и погрузке в вагоны узкоколейной железной дороги¹⁵. Газета “Новые Соловки”, выпускаемая типографией УСЛОН, регулярно информирует читателя о ходе лесоразработок. Содержание подавляющего количества публикуемых в этом издании материалов сводится к идеологической пропаганде ускоренных темпов и высокой производительности труда¹⁶. С 1928 г. лес практически полностью отправлялся на экспорт, на нужды лагеря использовалась малая его часть¹⁷. На лесозаготовках было занято около 1000 заключенных. В 1929 г. производственная программа по лесозаготовкам увеличилась на 300%¹⁸.

Военизированной охране помимо конвоирования заключенных вменялось в обязанности обеспечение высоких темпов выполнения лесозаготовительной программы¹⁹. Применялась в основном так называемая урочная система. Все заключенные были распределены на категории трудоспособности по здоровью. На практике в погоне за выполнением плана с этим мало считались. Помимо основного урока заключенные нередко выполняли “добавочные уроки” в порядке “социалистического соревнования”, ночные ударные работы по погрузке леса на пароходы и пр. Неспособных окончить задания оставляли в лесу на сутки и более. Генерал-майор И.М. Зай-

цев, отбывавший наказание на Большом Соловецком острове с 1925 по 1928 год, вспоминает: “Бывает так, что ослабевшие пары успевают сделать лишь половину урока, и им предстоит работать еще столько же времени, вплоть до следующего рабочего дня. Тогда они получают новый урок, который выполняют до следующего дня”²⁰. При суровых климатических условиях Севера и отсутствии соответствующей сезону одежды массовые обморожения на лесозаготовках не были редкостью. Так, в ноябре 1928 г. оставление на двое суток в лесу для выработки нормы заключенных командировки “Красная горка” привело к обморожению конечностей у 150 из них²¹. Подобные случаи зафиксированы в 1928 г. на командировках “Идель”, “Энг-озеро”, “Параново” и др. В 1930 г. на Коловицких командировках обморозилось 850 человек²².

Воспоминания уцелевших узников свидетельствуют о том, что на лесных командировках практиковались расстрелы, применение садистских методов. Неспособных окончить задания подгоняли прикладами, избивали, ставили летом “на комары”, обливали на морозе ледяной водой. Достоверность сообщений мемуаристов о распространности подобного членовредительства подтверждается судебно-следственной документацией, отражающей итоги обследования Соловецких лагерей комиссиями ОГПУ под руководством В.Д. Фельдмана (1923 г.), А.М. Шанина (1930 г.), М.Д. Бермана (1933 г.)²³. Регулярные инспекции не вносили изменений в сложившуюся систему, которая только поощрялась сверху. В 1928 г. в УСЛОН введена воспитательная политика, которая еще более усугубила положение заключенных. “Воспитатели” (как правило, либо вольные, либо осужденные за уголовные преступления) занимались пропагандой в лагерях, подстегивали отстающих в работе. “Нашу политику надо рассматривать в разрезе выполнения услоновской лесозаготовительной программы”, – заявлял начальник воспитательно-просветительного отдела УСЛОН Д.В. Успенский²⁴.

В результате многократного увеличения масштаба лесозаготовок лучшие вековые леса Соловков были вырублены менее чем за десять лет. В 1928 г. взят курс на строжайшую экономию топлива, вся производственная деятельность УСЛОН подвергнута пересмотру²⁵. Прежде всего Управление вынуждено было приостановить интенсивную рубку леса на Соловецком архипелаге. Была свернута деятельность предприятий, требующих большого расхода топлива. В 1931 г. демонтирована узкоколейная железная дорога, подвижной состав и рельсы перевезены на строящийся Беломоро-Балтийский канал. В 1930 г. на собрании соловецкой партийной ячейки признавалось: “Лес действительно перерублен... Бесхозяйственной рукой мы залезли в лесосеки 1940

года и можем погубить остров”²⁶. В 1930-е годы на Соловках еще продолжалась эпизодическая вырубка. Однако в 1937 г. пришлось отказаться и от этого вида работ.

На лесозаготовках в КАССР и Мурманской губернии контингент заключенных Соловецких лагерей стал широко использоваться с 1925 г.²⁷ В 1926/1927 году УСЛОН заключены договоры с трестами “Кареллес” и “Желлес” на предоставление рабочей силы²⁸. К этому времени лесная промышленность Северного экономического района являлась немаловажной статьей дохода государства. Только через порты Архангельской губернии за 1925 г. вывезено за границу товаров лесной промышленности в общей сложности на сумму 34 508 484 р.²⁹ Экспорт древесины из СССР (в частности, из районов Европейского Севера) в зарубежные страны в основном осуществлялся через Архангельский, Печорский, Мурманский, Беломорский, Онежский и другие морские порты. Непрерывные поставки лесоматериалов шли в Англию, Германию, Францию, Данию, Голландию.

В 1928–1929 гг. вопросы реформирования пенитенциарной системы привлекали пристальное внимание правительства, ОГПУ и НКВД. Организацию новых ИТЛ под эгидой ОГПУ по типу Соловецкого санкционировало Политбюро. С этого момента система ГУЛАГа рассматривается как важнейший фактор решения масштабных задач экономического развития страны.

Начиная с 1928 г. эксплуатационно-коммерческая часть (а вместе с ней и центр производственной деятельности Соловецкого лагеря) перемещается на материк, в Кемь. В 1928 г. для сплошной рубки УСЛОН на подрядных условиях отведены массивы Энгозерского лесничества³⁰, в 1929 г. – Паньгомского бассейна Кемского лесничества³¹. Кроме того, в Карелии создавался показательно-промышленный сельхоз с целью попеременного использования лагерного контингента (на лесозаготовках зимой и на мелиоративных работах летом). Предприятия УСЛОН, использующие дешевый труд заключенных, создавали угрозу для развития трестов, не отчисляли деньги в региональный бюджет. Это вызывало многочисленные возражения со стороны местных властей. Например, в 1930 г. против передачи в пользование УСЛОН Умбинского лесничества Мурманского округа выступил народный комиссариат путей сообщения. Против отвода лесосек Паньгомского и других районов Карело-Мурманского края, а также постройки Соловецким лагерем лесопильного завода на материке выразило протест правление “Желлеса” Мурманской железной дороги³².

Между тем стратегия экономического развития новой системы лагерей получила поддержку в Кремле. Весной 1930 г. прорабатывался вопрос

о строительстве руками заключенных Беломоро-Балтийского канала, что было невозможно без трудовых ресурсов Соловецких лагерей. В 1930 г. в Кемь было окончательно переведено Управление СЛОН. С этого же времени возрастают масштабы лесозаготовительных и иных работ, открываются новые командировки на территории Северного края, КАССР, в Мурманском округе. Соловки из топонима превратились в наименование разветвленной системы исправительно-трудовых лагерей с центром на материке. Первый опыт удался, и теперь принудительный труд соловецких заключенных применялся на лесозаготовках по всему Европейскому Северу России.

С началом индустриализации лесозаготовительные работы становятся важнейшей задачей Севера³³. В январе 1930 г. начальник УСЛОН А.Н. Ногтев издал приказ: “Никакого оправдания плохой погодой, недостаточным питанием и т.д. при лесозаготовках не будет приниматься во внимание. План должен быть выполнен любой ценой”³⁴. Лозунг “Лес – валютный цех страны!” жестоко отразился на содержании тысяч узников системы СЛОН. Бесхозяйственность и применение варварских методов работы были обычным явлением. Несмотря на то, что контрагентские договоры приносили лагерю существенный доход, на материковых командировках, как и на самих Соловках, отсутствовали исправные инструменты, преобладал ручной труд, игнорировалось физическое состояние и квалификация заключенных. Это приводило к порче ценного строевого леса. В Карелии, как правило, бревна сплавлялись с мест лесозаготовок по рекам, впадающим в Белое море. Так как эффективной системы заграждений не было, значительная часть заготовленной древесины уходила в открытое море, а затем прибывалась к побережью во время приливов. Так, заключенные вспоминают, что в качестве топлива на Соловках в 1937–1939 гг. использовался вылавливаемый из моря “отличный строевой еловый и сосновый лес”, предназначенный для экспорта³⁵.

Употребление динамита для освобождения русел рек от мешающих сплаву подводных камней влекло увечья и гибель заключенных³⁶. Медицинские осмотры во время работы комиссий констатировали “быстрый износ человеческого материала” в Соловецких лагерях. К этому неизбежно приводили постоянная необходимость выполнения заданий в ударном порядке, ненормированный труд, скученность и антисанитарные условия в бараках. По данным медицинской статистики 1930 г., у большинства лесорубов диагностировался целый ряд заболеваний (туберкулез, истощение, анемия, цинга, болезни сердца и прочее)³⁷.

Условия, в которых проводились лесозаготовки, заставляли заключенных искать выход. Выживать при скудном суточном пайке (иногда

500 г. хлеба) позволяли тактики выполнения норм, сводившиеся к обману начальства (“туфта”). Например, при вылавливании бревен из озера или моря, когда группа находилась вне поля зрения стрелков и десятников, напряженная работа только инсценировалась криками “Раз-два-взяли!”. Другой способ экономии сил сводился к отбору для перетаскивания тонких бревен и избеганию массивных стволов. Позднее “туфта”, зародившаяся в Соловецких лагерях, станет практикой всей советской системы. Некоторые от безысходности кончали жизнь самоубийством; другие стремились устроиться на должности счетоводов, экономистов или obsługi в лагере, избежав работы в лесу. Все эти явления были характерны для командировок как на Соловецком архипелаге, так и за его пределами. Помимо этого на лесозаготовках были случаи “саморубства” – лишиться части руки или ноги представлялось лучшей участью, чем выживать в условиях каторжной работы. В отношении саморубов в СЛОН был специальный приказ: “от работы не освобождать и требовать выполнения урока”³⁸. В 1928–1930 годах положение на лесозаготовках было особенно тяжелым. Доходило до того, что заключенные лесорубы и грузчики кровью оставляли на предназначенных для экспорта лесоматериалах (бревнах и досках) призывы о помощи, тайком закладывали в штабеля письма с целью оповестить Запад о тяжелой участи узников в СССР. Об этом сообщают очевидцы с различных отстоящих друг от друга командировок. Часто тайные послания обнаруживались начальством и виновных расстреливали, однако известно, что некоторые из таких писем попадали на иностранные пароходы при погрузке леса и достигали адресата³⁹. Наиболее отчаянные пытались бежать. В ноябре 1929 г. 60 заключенных Соловецких лагерей, обезвредив охрану, покинули место лесоразработок возле Мурманской железной дороги. Перейти границу с Финляндией удалось группе из 18 человек. Почти все беглецы были задержаны погранохраной либо выданы жителями Карелии⁴⁰. Побег немногих завершался успехом. Так, в 1925 г. Ю.Д. Бессонов, С.А. Мальсагов в составе группы белых офицеров покинули Советский Союз. В 1930 г. нелегально пересек границу СССР с Финляндией сотрудник штаба военизированной охраны лагерей Н.И. Киселев (Громов). Благодаря заграничным публикациям бывших советских подданных информация о жесточайших условиях, в которых проводились лесозаготовки в Советском Союзе, была подвергнута огласке на Западе. В мире появились протесты.

В 1929–1930 гг., после расширения системы лагерей, в Англии и США возросли опасения экономической угрозы дешевых советских поставок деловым интересам собственных компа-

ний. Факт использования лагерного контингента на лесозаготовках стал на Западе предлогом, чтобы осуществить эмбарго на поставку древесины из СССР. В 1930 г. был принят акт о тарифах, запрещающих ввоз в порты США сырья и товаров, произведенных посредством принудительного труда⁴¹. Тем временем в СССР под угрозой проверки международными комиссиями районов лесозаготовок на Севере в спешном порядке уничтожались следы мест лишения свободы: разбирали колючую проволоку и вышки вокруг построек лагеря⁴². В феврале 1929 г. наркомом труда поручено ввести контроль над ограничением использования рабочей силы УСЛОН в учреждениях и предприятиях КАССР⁴³. Лагерю воспрещалось ставить свои клейма на продукции, предназначенной для экспорта. С 7 апреля 1930 г. вносились коррективы в договор ОГПУ с трестом “Кареллес”: из формулировок исчезли упоминания о заключенных⁴⁴. Были предприняты и другие меры. При этом использование труда заключенных на отдаленных лесозаготовительных командировках не прекратилось. В 1931 г. кампания против рабского труда наводнила прессу⁴⁵. В ответ в советской периодической печати была опубликована серия отзывов и писем делегаций работавших в КАССР и Северном Крае лесорубов из Америки, Канады, Германии об условиях лесозаготовок в Советском Союзе. Лейтмотивом звучала мысль о том, что “даже тени принудительного труда не встречается на советских лесозаготовках”, повсюду “довольные и радостные лица, бодрая ударная работа...”⁴⁶.

Под угрозой бойкота в 1931 г. проводилась секретная операция по переводу заключенных Соловецких лагерей с территории расположения основных экспортных лесозаводов на строительство Беломоро-Балтийского канала, на земляные работы в Мурманск и на предприятия, не связанные с лесом⁴⁷. В Карело-Мурманском крае с работ в трестах “Кареллес”, “Желлес” и Мурманской железной дороги Управлением лагерей было снято и заменено вольнонаемными рабочими 12400 заключенных⁴⁸. После завершения строительства Беломоро-Балтийского канала в 1933 г. постановлением СНК СССР на Беломоро-Балтийский комбинат (ББК) возлагались задачи разработки лесных богатств, постройки лесопильных и лесохимических предприятий⁴⁹. Соловецкий лагерь был расформирован, а 1 ноября 1933 г. на островах организовано 8-е Соловецкое штрафное отделение ББК ОГПУ. Лесозаготовки продолжены силами спецконтингента ББК и других лагерей.

Резюмируя, следует отметить, что важнейшим элементом развития лесной экономики Европейского Севера в 1920-е – 1930-е годы являлся лагерный метод, содержание которого определялось деятельностью СЛОН и его подразделений. В результате форсированной мо-

дернизации в 1930-е годы Север стал сырьевой периферией центра, превратился в место решения политических и экономических задач. К темным сторонам развития лесной промышленности следует отнести широкомасштабное использование лагерного контингента в обстановке секретности, применение практики произвола и методов насилия в отношении труда заключенных, большой удельный вес примитивной техники и ручного труда на лесозаготовках, варварское истребление лесных запасов в условиях экстенсивного хозяйствования. Человеческая жизнь для режима не представляла никакой ценности, как не представляла ценности и природа, органичной частью которой является человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Макуров В.Г.* Из истории развития лесной промышленности Карелии в довоенный период // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии (1920–1940 гг.). Петрозаводск, 1976; *Трофимов П.М.* Очерки по истории лесной промышленности Севера. Архангельск, 1947; *Будрин А.С.* Лесная промышленность Коми АССР. Сыктывкар, 1956; и др.
- ² *Dallin D.J., Nicolaevsky B.* Forced Labor in Soviet Russia. L.: “Hollis&Carter”, 1948; et al.
- ³ Экономика ГУЛАГа и её роль в развитии страны, 1930-е годы: сб. док. / Сост. М.И. Хлусов. М., 1998; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда (1930–1950-е гг.) / отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2005; и др.
- ⁴ *Клепиков Н.Н., Коротаев В.И.* Международная информационная дискредитация Северного края и ее преодоление в начале 1930-х гг. // Вестн. Помор. ун-та. Сер. “Гум. и соц. науки”. 2005. № 1(7). С. 27–37; *Макуров В.Г.* Беломоро-Балтийский комбинат в Карелии. 1933–1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии / Карел. НЦ РАН. Петрозав., 1994. С. 135–159; *Игнатова Н.М.* Использование труда спецпереселенцев – “бывших кулаков” в лесной промышленности и других отраслях в середине 1930-х-1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4, ч. 2 / Сост. Н.М. Игнатова. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 2001. С. 59–72; и др.
- ⁵ Советская лесная экономика. Москва–Север. 1917–1941 гг.: сб. док. и материалов / Сост. В.Г. Макуров, А.Т. Филатова; Карел. НЦ РАН; НАРК. Петрозав., 2005.
- ⁶ *Этлбаум Э.* ГУЛАГ: Паутина Большого террора. М.: Моск. шк. пол. иссл., 2006; *Котек Ж., Ризуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / Пер. с фр. М.: “Текст”, 2003. С. 100–180; и др.
- ⁷ Дефиниция “Европейский Север России” идентична понятию “Северный экономический район”. – В кн.: *Лукин Ю.Ф.* Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20-е–80-е гг.). М.: Изд-во МГУ, 1992. 204 с.
- ⁸ Отдел документов социально-политической истории Гос. архива Архангельской обл. (далее – ОДСПИ ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 11–12. Постановление V Архангельского губернского съезда Советов о развитии лесной промышленности края. 24 января – 4 февраля 1921 г.
- ⁹ Центральный архив ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 28. Л. 3–6 об. // Архив А.Н. Яковлева: (сайт). – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000692> (дата обращения: 25.01.2010).
- ¹⁰ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 2 ноября 1923 г. (Об организации СЛОН) // Архангельская обл. науч. библиотека им. Н.А. Добролюбова (далее – АОНБ).

- ¹¹ Приказ ОГПУ № 527 от 15 декабря 1923 г. (О направлении всех административно высланных в Соловецкий лагерь по Мурманской железной дороге в г. Кемь) // АОНБ.
- ¹² *Sederholm B.* In the clutches of the Tcheka. L.: George Allen, Unwin LTD, (б.г.). P. 277–285; и др.
- ¹³ Гос. архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2918. Доклад о деятельности Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ за 1926/1927 год. Л. 106.
- ¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Л. 33–35 об. // Архив А.Н. Яковлева: (сайт). – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000698> (дата обращения: 25.01.2010).
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2918. Л. 106.
- ¹⁶ Новые Соловки. 1926. 10 янв.; То же. 1926. 17 янв.; То же. 1926. 11 апр.; и др.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2918. Л. 155.
- ¹⁸ ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 11. Л. 369.
- ¹⁹ ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 11. Л. 193.
- ²⁰ *Зайцев И.М.* Соловки. Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти (Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений). Шанхай: “Слово”, 1931. С. 125.
- ²¹ ОДСПИ ГААО. Оп. 1. Д. 10. Л. 357об–358. Доклад т. Мартинелли об обморожениях.
- ²² *Киселев (Громов) Н. С.Л.О.Н.:* Соловецкий лес особого назначения. Архангельск: Изд-во “Тур”, 2009. С. 45.
- ²³ Подробнее см.: “Выявлена система произвола и полного разложения”: материалы комиссии ОГПУ об условиях содержания заключенных в Соловецком лагере особого назначения. 1930 г. (подг. и вступ. ст. Д.Б. Павлова) // Исторический архив. 2005. № 5. С. 65–82.
- ²⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 120. Л. 125. – Опубл.: Исторический архив. 2005. № 5. С. 76–78; и др.
- ²⁵ Отд. использования и публикаций Национального архива Республики Карелия (далее – П-НАРК). Ф. 1033. Оп. 1. Д. 117. Л. 26об.
- ²⁶ ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Протокол № 5.
- ²⁷ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 690. Оп. 6. Д. 3. Л. 367–367об. Постановление СНК КАССР (О хозяйственной увязке УСЛОНа с Карелией в области лесной промышленности). 1 сентября 1925 г.; ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 9а.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2918. Л. 143–146. Доклад Управления Соловецких лагерей ОГПУ о работе в области лесной промышленности за 1926/1927 г.
- ²⁹ Посчит. авт. по: Гос. архив Арханг. обл. Ф. 187. Оп. 1. Д. 51. Л. 287. Сведения губстатбюро о вывозе товаров за границу через порты Архангельской губернии за 1925 г.
- ³⁰ НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 11.107. Л. 19.
- ³¹ НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 19.216. Л. 4.
- ³² НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 19.216. Л. 13, 24
- ³³ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1992. Протокол XIII Архангельской губернской конференции ВКП(б). Т. 2. Л. 252. 5–12 января 1929 г.
- ³⁴ ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 11. Л. 193.
- ³⁵ *Щегольников С.В.* Печальная история о том, как меня сделали государственным преступником-террористом, который готовил покушение на жизнь товарища Сталина: (Воспоминания) // Архив НИЦ “Мемориал”, СПб. (Машиноп.). (Б.м.), 1989. Л. 6.
- ³⁶ *Киселев-Громов Н. С.Л.О.Н.:* Соловецкий лес особого назначения. Архангельск: Изд-во “Тур”, 2009. С. 38; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Л. 37–45 // Архив А.Н. Яковлева: (сайт). – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000700> (дата обращения: 25.01.2010).
- ³⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 118. Л. 46 // Архив А.Н. Яковлева: (сайт). – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000701> (дата обращения: 25.01.2010).
- ³⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Л. 37–45 // Архив А.Н. Яковлева: (сайт). – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000698> (дата обращения: 25.01.2010).
- ³⁹ *Розанов М.* Завоеватели белых пятен. Лимбург: “Посев”, 1951. С. VIII, 17; и др.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 19.216. Л. 9–10.
- ⁴¹ Подробнее см.: *Клепиков Н.Н., Коротав В.И.* Международная информационная дискредитация... С. 29.
- ⁴² П-НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 41; *Розанов М.* Завоеватели белых пятен... С. 32.
- ⁴³ НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 11.107. Л. 22.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2920.
- ⁴⁵ *Dallin D.J., Nicolaevsky V.* Forced Labor in Soviet Russia. L.: “Hollis&Carter”, 1948.
- ⁴⁶ Красная Карелия. 1931. 22 февр.; То же. 17 марта; и др.
- ⁴⁷ П-НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 536. Л. 60–61.
- ⁴⁸ П-НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 536. Л. 16–17.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 1. Л. 35–36.

SOLOVKY SPECIAL PURPOSE CAMPS AND THE WOOD INDUSTRY OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA (1923–1933)

© 2010 M.V. Shulgina

Arkhangelsk State Technical University

The article covers the participation of the Solovki special camps in the development of the wood industry in the European North of Russia in 1923-1933. The author reveals the character and specific features of this process in the region under the conditions of the catch-up modernization.

Key words: modernization, Solovki special purpose camps, European North of Russia, wood industry, forced labor.